



*Пролог*  
**ОСОЗНАТЕЛЬНЫЙ**

Вероятно, если что-то потерять, можно приобрести кое-что взамен. Вопрос лишь в том, насколько оно вам необходимо.

*Лиссанайя*

— Дыши! Слышишь, дыши, я тебе говорю!!

...

— Дыши! Дыши же!! Ну! Шарртат! Шагхан маарланс аршнэс. Нэшмет рашиф ассахш!

— Ту алорен айреш!

...

— Давай, остроухий!

Отчаяние темной удушливой волной накатывало на мой мятущийся в панике разум при каждой продолжительной остановке сердца спасаемого мной существа. Вы когда-нибудь пытались разговаривать с отбивной? А с потрошеной тушей?

Трудно представить, что окровавленный кусок мещанины из мяса и костей, над которым суежилась ваша покорная слуга, был когда-то живым. Собственно, не нужно быть специалистом, чтобы понять, что сердце биться категорически не желает — его было отлично видно в щель меж ребрами и кусками легких. Я бы тоже при таком раскладе устроила бойкот израненно-

му организму, ради чего прикажете стараться, если ни одной целой части тела нет! Вот только меня такая ситуация абсолютно не устраивала!

— Рюш! Перестань мельтешить, ты мешаешь мне сосредоточиться!

Что, что же я делаю не так? Обезболивающие, кровоостанавливающие щупы стоят, льйини силы ускоряют регенерацию поврежденных органов, начиная с внутренних, наиболее сильно пострадавших. Если распустить зрение, то видно только сплошной кокон из силовых льйини, опутавший израненное тело. Одной мне ни в жизнь не справиться, эх, Мастер, за что ты бросил меня? При мысли о наставнике защипало глаза и перехватило дыхание. Наручем размазав злые слезы по пыльным щекам, нахмурилась, собирая разбегающиеся мысли.

Сила моего Мастера, покинув пустую уже оболочку тела, упорядочила созданный моими стараниями восстанавливающий кокон. По сути, одна жизнь была отдана за другую.

Да, Мастер был тяжело ранен, однако жив и в сознании! С его помощью я в два счета поставила бы его на ноги. Но он решил уйти, наказав вытащить вот ЭТОГО типа с того света! Как такое вообще возможно осуществить?

Кхаракх! Будь проклят этот Путь! Великая Плетунья, неужели так все и было задумано?! Но что же делать дальше, ведь, несмотря на принимаемые меры, улучшения не наступало, более того, с каждой минутой сердцебиение становилось все реже.

— Думай, Лиссэ! Как говорил учитель — не бывает безвыходных ситуаций, в крайнем случае воспользуйся окном или пробей стену!

Вот стена-то как раз и не хочет поддаваться!

— Рюш!! Да в чем дело, в конце концов! Что с тобой происходит?

Сказать, что я была изумлена, — это не сказать ничего. Мой кагарш вел себя слишком странно, чтобы оставить это без внимания. Маленький, чуть больше ладони, суетливый паукокраб с ярко-синей мягкой шерстью, покрывающей шаровидное тельце, сновал у меня перед глазами, перебирая шестью длинными, стального цвета ножками. Рукоклешни возбужденно топорщились над плоской головенкой с восемью сверкающими глазами. Периодически из-под длинных, как у птицееда, клыков раздавались пронзительные трели.

Издалека легко принимаемое за экзотическую птичку, это создание являлось самым опасным в здешнем мире существом, о чем и предупреждал ультрамариновый цвет окраски. От его яда не существовало противоядия — ни химического, ни магического, ни какого-либо другого. Спасало только то, что раздобыть яд было крайне сложно, практически нереально.

Я замерла, считывая путаные импульсы лыйини, посылаемые во все стороны моим маленьким другом. Понимание прорвало плотину словарного потока, несущего с собой, как и полагается, один мусор, состоящий из ругательств: на себя — «дуру тупую», «остроухого идиота, влипшего в такую историю» и «Мастера, умершего так некстати». А еще на маленького бесстыжего кагарша, который давно уже мог бы сообщить мне сию «распрекрасную» новость, что наш спасаемый — отравлен! Причем отравлен fathashi!!

— М-да-а, кому же ты, милый, дорогу-то перебежал? — Я сочувственно покосилась на то, что должно было быть лицом. — Однако какой же ты везучий тип! Твои недруги явно не могли бы предположить такого!

Да и никто не мог бы! По словам Мастера, лишь единицы знали о противоядии от фатташи, а если и знали, сделать все равно ничего не могли, ведь произ-

водит противоядие, равно как и яд, только живой кагарш и только по своему собственному желанию.

— Давай, миленький, ты давно знаешь, что делать, — шепнула я нетерпеливо переступающему паучку.

И, отодвинувшись в сторону, тяжело привалилась на камень, неосознанно сжимая и разжимая кулаки. Рюш деловито защебетал, пробежал по окровавленному телу и замер на предплечье возле запястья. Мое в ответ слабо запульсировало — нервишки лечить надо! Повезло остроухому — у него обезболивание по полной работает, мне в свое время такой радости не досталось.

Секундное промедление, и острые клыки до основания вонзились в руку раненого. Тело выгнулось в первой судороге, как только яд пронесся по организму, сердце зашло в конвульсиях, пропуская отравленную кровь. То ли еще будет, вторая волна — переработанный яд! Прикрыв глаза, я переживала события, произошедшие год-полтора назад. Тело почти забыло боль, но разум отказывался вычеркивать ее из памяти, каждый день находя напоминание на внутренней стороне правого запястья в виде двух треугольных шрамов от полых клыков кагарша.

Это был самый жестокий урок, пусть даже и не совсем запланированный, из тех, что преподносила мне жизнь и преподавал Мастер. Привычка задумываться о последствиях после таких действенных мер у меня задержалась надолго. По прошествии моей двухнедельной комы я просто не могла плести в полную силу, но больше всего давило чувство вины.

От моих опрометчивых действий рухнули плетеные дома-ксоты. Эти большие, синие, похожие на сталактиты сосульки вместе со всеми своими обитателями оказались в соке раздавленных ими грибов Гуу. А делов-то было — проследить как следует льيي-

ни камня и не путать их с воздушным карманом скрытой пещеры, под завязку наполненной газом. В итоге — пожалуйста, получите взрыв и землетрясение. Много тварюшек погибло, а часть была обречена на смерть в изгнании. Ядовитый сок пещерных грибов, который был для них пожизненным стерилизатором, не оставлял шансов на возвращение.

Вот бы мне в свое время такое средство да домой от тараканов! Надо сказать, что я с детства не боюсь насекомых. Совершенно спокойно отношусь ко всякого рода жучкам, паучкам, обожаю гусениц, несколько опасаясь сороконожек и абсолютно не переношу тараканов. Эти желто-коричневые твари вызывают во мне сильнейший приступ брезгливости и отвращения, практически граничащий со страхом.

Я плакала навзрыд, наблюдая, как трогательно выпавшие паучки прощались с теми, кто остался наверху, а потом медленно расползались в разные стороны. Один из них, видно еще совсем детеныш, если такое можно сказать о паукокрабе, никак не мог понять, почему некогда такие родные и заботливые сородичи теперь не пускали его домой, который он еще ни разу не покидал, и обстреливали его сгустками яда, не давая приблизиться. Так, жестоко теснимый недавними собратьями, он отходил все дальше и дальше, пока, оступившись, не укатился совсем далеко в сторону.

Мастер как всегда не проронил ни слова, видя, что мне и так тошно, лишь позже, возможно, желая утешить, проговорил, что это не самый страшный исход необдуманнх плетений, все могло быть хуже, если бы на кону стояли человеческие жизни!

Но, как видно, одного урока мне было мало, и я тут же получила второй, уже благодаря своей глупости! Маленький кагарш, последним покинувший гнездовую пещеру, поравнялся с нами. От него исходили льйини такого горя и обреченности, что у меня заще-

мило сердце, и в эмоциональном порыве я подскочила к нему, подхватывая на руки. Наставник и пикнуть не успел, как острые клыки пронзили мою руку.

Дальше были только боль и тьма, тьма и боль, кружащие стервятниками, чередующиеся между собой за право терзать мое тело и душу.

Но Рюш не хотел убивать меня, он всего лишь испугался и, поймав мои не успевшие остыть лъйини нежности, направленные к нему, тут же пустил сок противоядия. Мастеру потребовалось три недели, чтобы окончательно поставить меня на ноги, а кагарша — на ножки. За все время моей болезни паукокрабик не отходил от меня ни на шаг, ничего не ел, страшно ослаб и щебетом передавал учителю свое беспокойство и сожаление.

Привязанность его ко мне только крепла с каждым днем, к великому удивлению наставника, который слышал о лояльности кагаршей, но никогда — о дружбе человека и паука.

Я тут же дала имя моему новому другу: Гаврюша, или просто Рюш. Он не возражал и вскоре охотно на него откликался. Мы стали неразлучны, и даже во время сложных поручений наставника маленький паучок отказывался покидать меня, соглашаясь на это лишь после долгих увещаний и с большой неохотой. Все свои нерастраченные эмоции: раскаяние, тепло и заботу, которой он лишился, всю дружбу, нежность, любовь я передала ему, и он платил мне тем же. Учитель только вздыхал и качал головой: «Такая молодая.... Ох, Нишасса! Игрунья со смертью». Такое прозвище я получила вместе с именем, став учеником. Забыть, что было прежде, принять новое! Так говорил Мастер. Но было слишком много всего, чтобы забыть, и хотя сейчас все воспринимается в легкой дымке прошедшего времени, тоска давит на грудь, а непрошенная слеза нет-нет, а пробежит по щеке.

Я поморгала, стряхивая оставшиеся на ресницах слезинки. Рюш успокаивающе курлыкал мне в ухо, сидя на своем любимом месте у моей шеи. Конвульсии у Тела (не могу иначе воспринимать ЭТО ввиду того, что просто не видела, как ОНО выглядело раньше) уже закончились, лишь слегка подергивались конечности. Зато прогресс был налицо — кокон сиял серебром, сообщая, что пациент скорее будет жить, чем умрет. Но раз сердце выдержало такие судороги, значит, потянет и весь процесс восстановления, который, по моим прикидкам, должен продлиться не меньше пяти недель, одну из них займет дорога домой.

Я подавила вздох. Как могло случиться такое, что я спокойно воспринимаю часть подземных пещер как свой дом?! Не оттого ли, что смирилась с невозможностью выбраться отсюда? Ну уж нет. Просто осматриваюсь и жду удобного момента. И если Мастер был прав, то этот момент уже на подходе, а Мастер никогда не ошибается!

Пошарив вокруг, я собрала свои пожитки, которые смогла найти, захватив и сумку учителя, — загляну туда на досуге. Часть вещей осталась под завалом, но их достать почти нереально, да и важного ничего там нет — так, комплект походной утвари, всякая мелочь.

Что тут у нас еще? Вещи этого типа — мешок, достаточно легкий, беру; а это что под камнем? Э-э-эх! С легким звоном перед глазами предстала сначала одна, затем вторая сабля. Не очень длинные, со слегка изогнутыми тонкими клинками из темно-серого металла, они были прекрасны даже на мой неискушенный вкус абсолютного дилетанта, несмотря на бурые пятна на обоих лезвиях. Я даже присвистнула от восторга — красота! Ничего конкретного сказать не могу — родившись в мире высоких технологий, не научилась разбираться в холодном оружии.

Нашлись только одни ножны из черной чешуи ка-



кого-то снарга, разбирать завал ради вторых не было ни сил, ни желания.

Так, вроде все... хотя нет. Я подошла к Телу, возле головы которого лежала горка обрезанных волос. Простишь ли ты меня, Воин, за такое посягательство на твою честь и жизнь?! Мастер достаточное время уделял истории этого мира, чтобы я смогла четко определить, кто передо мной. Но даже страх перед гневом хассура — лучшего воина здешней Ойкумены — не остановил моего ножа, когда я отрезала роскошную гриву волос, которая явно спускалась ниже поясницы. Мой хвост, едва прикрывающий лопатки, показался жидкой метелкой.

Ты же не хочешь дурачком остаться до конца жизни? Иначе как я залечу пробитый в нескольких местах череп? После уроков Мастера я несколько опасалась касаться его головы, но все же решилась, приготовив на всякий случай щиты, ведь главное оружие хассура, данное ему Сестрами, — это его волосы.

Выдохнув и мысленно перекрестившись, я дотронулась до спутанных темных локонов. Тут же под пальцами пробежали синие искры, но никакого вреда, кроме легкого и даже приятного покалывания, они мне не доставили. Наверно, сбоят оружие, раз хозяин в отключке.

В общей массе волос попадались особые. Они-то, как объяснял Мастер, и воспроизводили энергетические разряды, по желанию владельца парализующие или смертоносные. На ощупь их структура казалась чуть более жесткой, а цвет в общей серо-пыльной массе различить было невозможно.

Наклонившись, я рассмотрела, что волосы не совсем просты, в них попадались причудливые плетения с шариками и грузиками на концах, косичками и маленькими кольцами в узелках, и, хмыкнув, положила

всю эту массу в сумку, мало ли, вдруг ему это нужно, а выбирать мелочи некогда.

Встав на колени на том месте, где лежало тело наставника, я прижалась щекой к холодным камням, не замечая, как острые крошки впиваются в кожу.

Полное развоплощение! Шаграйн! Мастер, сколько же тебе было лет, раз аура — Льии Тайги полностью растворилась в льйиниэре мира?!

Ох, дедуля, как же я буду скучать! Все так неожиданно и некстати! Нет времени, чтобы оплакать и провести церемонию прощания! И это запретил мне Ты! Ты, Кто учил чтить законы и традиции этого мира!

Катись он в тартарары!

— Ой, прости меня, маленький, я не хотела тебя обидеть, малыш... Только ты у меня и остался! — запоздалое раскаяние отвлекло от мрачных мыслей. Поглаживая расстроенного Рюша, я взвалила сумки на плечи и накинула несколько лассо из льйини на кокон. Полноценной левитации не получится — много сил шло на поддержание жизнеобеспечения, но можно тянуть его за собой, сантиметров на двадцать приподняв от земли, создав не совсем левитацию, а скорее некое магнитное поле под телом остроухого.

И кто это сказал, что эльфы хрупкие создания?! Попробовал бы тащить за собой эту махину под метр девяносто, не меньше, да и в плечах, надо сказать, внушительную. Ладно, все равно делать привалы придется, мне ему еще кости вправлять да обновлять регенерационные щупы. И хотелось бы надеяться на всяческое содействие с вашей стороны, сударь, или как там тебя?... *Хассуэре*. Все-таки ты необычен даже по местным меркам, не разочаруй меня, пожалуйста, и особенно моего наставника.

— Домой, Рюш! Мы идем домой.

## Глава 1

### СКИТАТЕЛЬНАЯ

Сойти с ума иногда бывает весьма полезно.

*Лиссанайя*

Все началось с темноты.

Странно, не правда ли? Ведь у всех нормальных людей начало — это свет: рождение, пробуждение или яркий тоннель в конце жизненного пути. У меня же был мрак.

Не простая темнота ночи или комнаты, где забыли включить свет, а настоящая тьма, чернота, темень. В тот момент, когда я познала тьму, она стала для меня одушевленной, осязаемой, ее можно было потрогать, лизнуть. И было под рукой что-то вязкое, а на языке солоновато-горькое, как кровь из прокушенной губы.

Однозначно: я ударилась головой. Это многое объясняло. И потерю ориентации во времени и пространстве, и, возможно, временную потерю зрения, хотя в тот момент я старалась об этом не думать — для меня зрение было всем. Потерять его означало потерять себя!

Со зрением или без, еще не поняла, но себя я точно потеряла. Так же, как ребята потеряли меня.

Я открыла и снова закрыла глаза. Ничего не помнялось, абсолютно ничего. Так — темно хоть глаз вы-

коли, и так — темно, можно и не выкалывать. Голова гудела страшно. Не поднимаясь, я подтянула руку к правому виску и осторожно ощупала сначала лоб, а потом и все остальное. Ахххх! Ссссс! Шишка уже показалась во всей своей величине на правой стороне моего бедного черепа, но крови вроде не было. Ладно, говорят, что у творческих людей задействовано левое полушарие, так что правое, возможно, мне никогда и не понадобится. Теперь посмотрим, что с остальным: руки целы, ноги... вроде тоже.

Но лежать было неудобно. Изогнув левую руку, я подсунула ее под левый же бок и вытащила за ляжку рюкзак. Под пальцами оказался и другой ремень — от этюдника. Я слегка потянула его на себя и убедилась, что он находится где-то в метре от ноги. Упав я на этот деревянный ящик, и сломанный позвоночник обеспечен! Рюкзак тоже набит почти под завязку, но в момент падения он висел только на одном плече, поэтому под спину не попал. Съездили на летнюю практику, господа студизусы!

От моих движений перед глазами поплыли цветные круги и слегка затошнило. Это о-очень плохо. Не хватало только сотрясения мозга. Застыв на месте, попыталась собраться с мыслями. Я упала. Куда, собственно, я могла упасть, ведь шла по лугу?! Хотя какой луг, местность-то гористая! Мысли путались в пыльной паутине чулана мозга, полнейший кавардак перемешался с паникой.

Так, сначала. Издалека я увидела этот прекрасный лужок и, предупредив ребят, ломанулась сквозь кусты, как кабан за желудями. Ну чего здесь может быть аномального?! Такая красотища вокруг!

В этот год занесло нас в Пермскую область. Летняя практика была самым веселым временем обучения, так как обычно была выездная то на Север, то на Юг России, то на Урал. Поселили нас в съемном деревен-

ском домике за счет учебного заведения. Готовили сами — довольствуйтесь, мол, тем, что жилье бесплатное. Но мы не унывали, накупили пачек сорок «Ролтона», а молоко и овощи сердобольные старушки нам сами приносили прямо к калитке. Еще бы, приехало столько худышек. «И что вас там, в Москве, голодом морют, что ли? Вроде и не воюем ни с кем». Бабульки рассказали нам об инопланетянах и прочей нечисти, о том, что «есть тут места, где люди пропадают», и много чего еще в том же духе. А также что некоторые приезжие личности в их деревне собираются гостиницы строить и бизнес туристический налаживать. Повалит народ на инопланетян-то смотреть. Реклама по телевидению уже шла вовсю, только ленивый не сделал передачу о пермской аномалии.

Мы с ребятами вовсю обсуждали тему нечисти. Сможем ли мы уговорить инопланетянина позировать для портрета? Какое количество времени потребуется, чтобы изобразить летающую тарелку? И кто сможет сделать серию эскизов лешего и кикиморы? При поступлении в Академию художеств — а надо сказать, что мы всей компанией туда собирались после училища, — это наверняка зачтется. Боюсь только, что от нашего непрекращающегося хохота вся нечистая сила в округе разбежалась далеко по лесам.

Луг, который я заприметила с горы, оказался достаточно далеко. Минут пятнадцать я пробиралась к нему через лес напрямик, перепрыгивая через валуны, то тут, то там торчащие из мха. Огромные глыбищи приходилось обходить стороной, что заставляло меня досадливо пыхтеть. И вот он наконец, замечательный полукруглый лужок на склоне холма, окруженный с трех сторон высокими соснами, а с четвертой — плавно поднимающийся вверх в гору. Отсюда я видела ребят, которые шли по плоской вершине и весело махали мне рукой. Кто-то, кажется Наташка, в голубом пла-

точке, уселся сверху на каменный валун и открыл блокнот, остальные пропали из виду.

Я закрутилась на месте, выбирая выгодную для себя точку. Было раннее утро, и солнце еще не протопило как следует свои огненные печи, но часа через два жара будет стоять невыносимая, поэтому лучше заранее позаботиться о тени. В нескольких шагах от себя я увидела здоровенный плоский камень, торчащий из зарослей цветущего репейника. Прикинув, что как раз на него будет падать тень от близрастущей пушистой сосны, я, скинув одну лямку рюкзака и удобнее перехватив ремень этюдника, двинула туда. Не могу сказать, что пристально смотрела под ноги, но и совсем вслепую все же не шла. Однако яму просмотрела, потому что следующий мой шаг угодил в пустоту.

Так. Значит, я под землей, скорее всего в какой-то пещере. Руки убедились в моей правоте, ощутив шероховатую каменную поверхность. По мере того как чувства приходили в себя, я стала ощущать холод. Ноги были еще более или менее в тепле, все-таки джинсы — великое изобретение человечества, но сверху на мне была только легкая майка. Я пошарила рукой возле рюкзака, потянула на себя рукав от рубашки, обвязанный узлом вокруг лямки, и поблагодарила себя за предусмотрительность. Я взяла ее, чтобы не обгореть на солнце. К моему великому огорчению кожа у меня была такая белая, что сгорала моментально. От окружающего холода плотный хлопок рубашки должен был хоть немного спасти.

Борясь с дурнотой, я таки приняла вертикальное положение и кое-как натянула на себя рубашку.

Сколько, интересно, я была без сознания? Меня уже хватились или как? То-то удивится Наташка: только я была — и уже нет, как сквозь землю провалилась.

Я усмехнулась, паника пока подконтрольна, види-

мо, мозг еще в шоке от такого удара. Но надо тем не менее подумать. Если я провалилась, значит, наверху где-то есть дыра, через которую сюда должен попадать свет. Как я ни старалась, никакого света не разглядела, либо дела действительно настолько плохи и я потеряла зрение.

Я закрыла глаза, все равно от открытых никакого толку. И тут меня осенило. Фонарь! Я же взяла фонарь! Как походник со стажем, предпочитала, чтобы в незнакомой местности у меня при себе было максимальное количество нужных вещей. Подтянув рюкзак поближе, я расстегнула молнию и запустила туда руку. Бутылка воды, бутерброды, пачка «Ролтона» зачем-то, кипятка-то нет, пенал, ну где же он? Ах вот, пальцы нащупали полукруглую пластиковую рукоятку фонарика. Вытащив его, я на секунду замерла, затаив дыхание.

— Ну, пожалуйста... — и нажала на кнопку.

Тонкий лучик пронзил тьму холодной иглой. Боже, спасибо! Со зрением все в порядке. Но по мере того как я водила фонариком из стороны в сторону, в груди поднимался холодок — луч везде упирался во тьму. Я посмотрела на пол. Камень был обычного серого цвета, шершавый, кое-где искрящийся вкраплениями чего-то блестящего. Но, когда я отрывала луч от пола, он со всех сторон упирался в темноту.

Вот теперь-то мне стало по-настоящему нехорошо. Шишка мерно пульсировала, попадая в диссонанс с сердцем, биение которого все ускорялось. Набрав полные легкие воздуха, я шумно выдохнула. В боку кольнуло, похоже, что пострадала не только голова. Часы! Я посветила на запястье. Электронный циферблат показывал 2:25. Так сейчас глубокая ночь! Неудивительно, что я не вижу светового пятна наверху, — на поверхности темно!

Я немного успокоилась. Нужно просто дождаться

утра. Скорее всего ребята подумали, что я пошла домой, и решили поискать меня там, убедившись в обратном, они обязательно вернуться с помощью утром.

Надо проверить мобильник. Порывшись в рюкзаке, я достала заветную раскладушку. Конечно, сигнала не было, здесь и на поверхности-то ловило только местами, приходилось долго ходить, чтобы найти сеть, но проверить все-таки стоило. Набрала номер службы спасения — ничего. Потом номер СОС — снова тот же результат, а точнее отсутствие одного; что ж, тут такая толща камня, что ничего просочиться не может. С сожалением я закрыла телефон и положила обратно.

Есть совершенно не хотелось, поэтому, выпив несколько глотков колодезной воды из бутылки от колы, я подвинула поближе этюдник, подсунула под голову рюкзак и свернулась клубком.

Вот тут-то тьма и накинулась на меня со всех сторон. Она забиралась в волосы и под рубашку, пролезала между сжатыми в кулаки пальцами рук, просачивалась сквозь плотно закрытые веки. Я дрожащими руками включила фонарик. Чернь вилась вокруг луча обозленной спиралью, но не могла полностью поглотить его.

Со светом было еще хуже. Мрак казался гуще, в нем мерещились какие-то тени. Так, то включая, то снова выключая фонарь, я провела какое-то время, пока боль и усталость не сморили меня.

Пробуждение было страшным. Мне казалось, что меня куда-то затягивает, в какую-то черную дыру, очень узкую для меня, поэтому все тело как бы растягивается в пространстве-времени, и это очень больно. А смоляные жгуты, присосавшись к каждой клеточке тела, все тянут и тянут по узкому бесконечному тоннелю. Бац, и падение. От удара я проснулась.

Оказалось, что я просто очень сильно вздрогнула во сне. Под щекой ощущалась грубая ткань рюкзака,



под боком все тот же камень. И тьма вокруг. Шишка, как только почувствовала, что я проснулась окончательно, начала тикать, напоминая, что необходимо взглянуть на часы. Недовольно поморщившись — обойдусь и без подсказчиков, я все-таки включила фонарь и посмотрела на циферблат. Было восемь тридцать утра. Я с надеждой подняла глаза к потолку. Минута, две, три. Бесплезно, никакого света. Солнце должно было встать, но надо дожидаться полудня, когда оно будет высоко, длинный летний луч дотянется и сюда. Меня слегка мутило и хотелось в туалет. Порывшись в боковом кармане рюкзака, я достала половину рулона туалетной бумаги и Маринкину зажигалку, о которой совершенно забыла. Единственный курящий человек в нашей компании Маринка отдала мне ее вчера утром на хранение, надеясь, что в минуту слабости, когда ей захочется покурить, я буду ее совестью и не допущу такого святотатства на природе.

Я зажгла фонарик и поставила его вертикально лучом вверх. Сама взяла зажигалку и аккуратно двинулась в темноту. Честно говоря, мне было очень страшно. Точнее, мне было **ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ** страшно. Но просидеть на одном месте незнамо сколько времени и там же устроить себе туалет — это уже совсем не человечески. Передвигаясь практически на корточках, аккуратно ощупывая дорогу перед собой, иногда подсвечивая ее зажигалкой, я отползла на несколько метров от своей стоянки. И тут моя нога наткнулась на пустоту впереди. Нетвердой рукой посветив там, я обнаружила небольшое углубление в относительно ровном полу пещеры и спустилась туда, сжимая зубы от страха и почти оглохнув от биения сердца. Сделав свои грязные дела, я, быстро вернулась к лучу, погасила его и, подняв голову, принялась ждать.

Было что-то неправильное в этой темноте, и это что-то не давало мне покоя. Через некоторое время я

поняла, в чем дело. Я не различала никаких звуков, кроме тех, что производила сама. Физически ощущая мрак, я не слышала его. Ни шелеста крыльев летучих мышей, ни возни грызунов, ни шипения змей. Последнее, впрочем, меня обрадовало. Но эта страшная тишина начала пугать меня больше темноты, и я, набравшись смелости, крикнула:

— Э-эй!

Ничего, как и следовало ожидать. Тьма впитала крик совсем, весь без остатка, как огромный кусок ваты капельку воды, и не оставила мне даже крошечного эха вдаль. Я утешала себя тем, что в горной породе не понимаю ровным счетом ничего и что это какая-то разновидность туфа, которая поглощает звуки и отгоняет живые существа. Мысль была совершенно бредовая, но я почти убедила себя в этом. Вряд ли здесь есть радиация, нас бы точно предупредили, куда ходить не следует.

Я снова посмотрела на часы — почти одиннадцать, и никакого намека даже на крохотный лучик света. Достала и съела бутерброд, не от голода, а просто чтобы занять себя. Время тянулось мучительно медленно. Я пробовала лежать на спине, на боку, сидеть по-турецки, на корточках, единственное, что я все еще боялась сделать, — это встать в полный рост.

Наконец нашла более или менее приемлемое положение — сидя с подтянутыми коленями к подбородку и положив на них голову — и стала раскачиваться вперед-назад. Это монотонное движение действовало завораживающе, успокаивало-усыпляло мечущийся в волнении и страхе разум.

Очень хотелось плакать, но слезы почему-то не шли. От этого было душно и тяжело, и комок в груди порождал какие-то полувздохи-полувсхлипы. Двенадцать, час, два тридцать, четыре, восемь двадцать, скоро начнет смеркаться. Я совсем вымоталась, напря-

гая зрение и слух в надежде получить малейший намек на близкую помощь, и, кажется, задремала.

Так, то ускользя в спасительный сон, то возвращаясь в жутковатую реальность, провела ночь. При каждом пробуждении я проверяла время. В очередной раз убедившись, что на поверхности день, с надеждой воззрившись на потолок. Если поиски и были начаты, то, видимо, где-то в другом месте.

Как хорошо, что бабушка не дожила до этого дня! Кто-нибудь как пить дать уже сообщил в Москву, что я пропала. Хотя кому сообщать-то? Разве что Митьке, жившему сейчас в моей квартире ввиду затянувшегося строительства коттеджа и не устающему изо дня в день обещать увезти меня туда, как только отделка закончится. Да не хотела я никуда уезжать из своей уютной маленькой двушки. Но, к сожалению, он этого не понимал и считал, что я просто набиваю себе цену. Вот еще, чего не хватало! Если звонок застанет его дома, что вряд ли, он может и горы свернуть ради меня... наверное. А дома его нет, могу дать голову на отсечение, что просиживает где-нибудь со своим дружком.

Больше родных и близких в городе у меня не было. Любимая бабулечка умерла два года назад, пристроив меня в училище, не выдержав затянувшегося безнадежного поиска моих родителей, давным-давно пропавших без вести. Я тогда была совсем маленькой и плохо их помню.

Она была очень сильной женщиной — моя бабулечка. Сильной и очень красивой. Нам так хорошо было вдвоем в крошечной квартирке. Воспоминания о единственном родном и дорогом мне человеке причиняли боль, но я не позволяла себе плакать из-за этого. Бабулечка не позволила бы. Даже в последние минуты жизни она была строга и прекрасна и говорила, что слезы — это высшее проявление эгоизма. А ей они причиняют боль и не дают уйти спокойно. Она не раз-

решила мне плакать даже после ее смерти, сказав, что она все увидит и очень расстроится. Что ж, я не разочаровала ее. Я вообще плакала очень редко... раньше. Убаюканная воспоминаниями, я мягко погрузилась в сон.

Проснулась опять резко от холода и голода. Ноги затекли, и при попытке вытянуть их перед глазами заплясал хоровод зеленых мух. Тьфу, гадость.

Я съела очередной бутерброд. Воды в бутылке чуть выше этикетки, но внезапно мне стало понятно, что ее хватит совсем ненадолго. А дальше-то что делать? Мерно раскачиваясь, я тихо гудела себе под нос, чтобы слышать хоть какой-то звук. Темнота, хищно облизываясь, ластилась ко мне, как сытая кошка к обессиленной мышши.

Слышать... так они меня не слышат!!! Вскочив на ноги, не обращая внимания на недовольство расступившейся игруньи, я завопила что есть сил. Адреналин ударил в голову, бешеный луч от фонаря заметался по невидимому потолку. Горло саднило, но, кружась на маленьком пяточке моей стоянки, я не переставала кричать, замолкая только чтобы прислушаться и набрать побольше воздуха в легкие.

Не знаю, сколько прошло времени, голос почти сел, и очень хотелось пить. Но внезапно какой-то звук раздался далеко в темноте. Я тут же метнулась туда. Пробежала несколько шагов и остановилась тяжело дыша. Что ж я делаю?! А если показалось? Без воды!! Вернувшись к вещам, быстро надела рюкзак и перехватила этюдник. Чуть склонила голову набок и закрыла глаза, вслушиваясь. Тишина смеялась надо мной, объединилась с тьмой, и вместе они кружили вокруг, как две заклятые подруги.

За терпеливое ожидание я была награждена далеким перестуком. Немного ослабев от долгого сидения, мои ноги понесли меня на звук. Где-то на задвор-

ках сознания мелькнула мысль — ну и громадная же пещера!

Стена резко ушла вправо, и, повернув следом за ней, я наконец увидела потолок. Похожий на разверзнутую пасть какого-то чудовища, он весь зарос сталактитами. Но мне некогда было пускаться в сравнения, потому что, отвлекшись ненадолго, я забыла о том, что неплохо бы и под ноги смотреть и, не сбавляя хода, споткнулась о выросший из пола сталагмит. Растянувшись во весь свой средний рост, я очень больно ушибла колени и ободрала ладони в кровь. Фонарик — хорошо хоть не разбился — вылетел из рук. Шипя от боли и жалости к себе, я шарила вокруг трясущимися руками, а потом, стараясь не залить кровью рюкзак, вытащила тряпочки, приготовленные для промакивания кистей, и обмотала ими многострадальные конечности.

Станный звук решил не баловать меня своим присутствием и затаился где-то далеко в тоннеле впереди. Я подняла фонарь и ахнула, когда луч осветил коридор. Впереди то тут, то там поднялись из пола каменные пики. Где-то они соединялись с нависающими сверху сосульками, образуя причудливые арки и проемы. Это был странный футуристический застывший лес из камня. Художник внутри меня замер в благоговейном восторге, при других обстоятельствах меня отсюда силком пришлось бы вытаскивать. Сейчас же я была рада небольшой мощности своего фонарика и пожалела о громадной, относительно теплой пустой пещере позади. В небольшом световом круге, выхватывающем из темноты стройные силуэты каменных изваяний, мне уже мерещились безмолвные тени, скользящие на границе света и тьмы.

Я очень боялась, что люди, производившие этот звук, уйдут и даже не заметят, что совсем близко от них тоже был человек. Всхлипнув, я заставила себя

встать на ноги и двинулась между замершими стволами. Они были влажные и склизкие, эти отростки, внутренности гор. Оступившись, мне пришлось опереться об один такой, а потом с омерзением вытирать пальцы о штанину, все равно джинсы уже убиты в хлам.

Я брела и брела, как маленькая Красная Шапочка в огромном темном лесу. Разница была лишь в том, что девочка из сказки знала, куда шла, и с собой у нее были пирожки. Живот сводило от голода, и мне пришлось съесть последний бутерброд. С водой были проблемы — она заканчивалась!

Периодически мне слышались звуки впереди, и я переходила на быстрый шаг, лавируя между коническими силуэтами каменных сосул. На ровных участках почти бежала, мне казалось, что-то страшное следует за мной и, стоит остановиться, оно тут же накинется на меня из тени ближайшего каменного ствола.

Совсем выбившись из сил, споткнувшись в очередной раз, я тяжело осела на пол, привалилась к рюкзаку и тут же провалилась в сон — беспокойный, наполненный странными образами, долгий и тягучий, но не приносящий отдыха.

Жажда была так сильна, что выдернула меня из кошмаров сновидений и поглотила остатки воды из моей бутылки. Не напившись, я с сожалением засунула пустую тару в рюкзак и поплелась дальше по тоннелю. Периодически делая остановки, я прислушивалась, кричала до хрипоты, снова прислушивалась и продолжала путь, который постепенно затягивался какой-то странной пеленой.

Очевидно, так приходит безумие. Приятели не из творческой компании считали, что все мы немного не в себе, видели бы они меня сейчас! Чтобы хоть как-то утолить жажду, я лизала каменные склизкие сосуль-

ки. Поначалу меня нещадно выворачивало от противного горького привкуса, но потом организм, видимо, смирился, ибо ему уже критически не доставало влаги. Дальше меня начало мутить уже от голода. Я подъела все возможные крохи, перетрясла рюкзак и зачем-то этюдник, в котором, кроме кистей, красок, разбавителя и холстов, сроду ничего не водилось.

Оп-па! Постой-ка! А это что за фляжечка? Открыв малюсенькую металлическую пробочку, я поднесла горлышко к носу.

КОНЬЯК!!!! Ну ты и зараза, подруга! Такую вещицу припрятать и забыть. Вот, я уже и разговариваю сама с собой. Твое здоровьичко. Три глотка — и половина фляжки пронеслась огненной лавиной по горлу и пищеводу и оказалась в моем желудке. Почти эйфория!

Я изобразила что-то танцевальное и надолго вырубилась.

Просыпаться было невыносимо противно. Жажда была нестерпимая, но хватило ума не допивать остатки коньяка, который по доброте душевной, видимо пытаюсь облегчить мои страдания по поводу поиска отхожих мест в пути, полностью вывел всю влагу из моего организма.

Несколько раз сглотнув и осознав, что мне даже нечем облизать потрескавшиеся губы, я подхватила вещи и потащилась дальше.

Через какое-то время я поняла, что мне совершенно все равно, который сейчас час и время суток. Я перестала кричать и слушать тоже. Все, что я делала, — это шла, ела слизь, падала, забывалась, потом снова шла. Пещеры менялись вокруг меня, но я плохо замечала, как именно. Они вроде то становились совсем гладкими, то обрастали наростами и сталактитами, были похожи на штольню и тут же теряли всякие границы. Но по-прежнему я не слышала ничего и никого, кроме

себя. Тот звук, побудивший меня начать это безумное путешествие под Уральскими горами — исчез совсем, и я уже сомневалась, был ли он на самом деле или это мое воображение сыграло со мной злую шутку. Мелькали странные мысли, что такими темпами я добреду до Москвы и вывалюсь в районе какой-нибудь станции метро. Мое веселье по этому поводу прерывалось только приступами кашля, которыми пересохшее горло пыталось остановить это безобразное к нему отношение.

В уме навязчиво прокручивался один и тот же детский стишок. Иногда я бормотала его вслух, чтобы услышать человеческий голос, пусть даже свой собственный осипший:

Я играла с тенью в прятки  
В темной комнате.  
Убегала без оглядки:  
«Эй-ау! Ты где?»  
Не могла без братца Света  
Тень найти меня.  
«Эй-ау! Подружка Света,  
Раздобудь огня!»  
«Эй-ау! Обиды нету!»  
Вот уж целый день  
Не найдут девчонку эту  
Вместе Свет и Тень.

Был в моем безумии один большой плюс, сквозь его пелену ко мне совсем не приходил страх перед моей врагиней, следовавшей за мной неотступно. Через какое-то время мне даже начало казаться, что, возможно, мы подружимся. Она, скорее всего, разделяла мою точку зрения, потому что была тиха и ласкова, уже не насмехалась надо мной, а нежно подставляла свои ладони, когда я без сил падала, чтобы немного поспать.

Телефон в рюкзаке давно пропищал реквием и



умер, а ведь заряда батареи хватало минимум на три-четыре дня, неужели прошло столько времени?..

Мое продвижение было похоже на навязчивую идею, что-то толкало, несло вперед. Несмотря на страшную усталость, мне даже не приходило в голову остановиться и подумать. Честно говоря, способность думать, по крайней мере трезво, исчезла вместе со страхом перед тьмой и тенями, беззвучно стелющими-ся на расстоянии от меня. Иногда я думала, что веду куда-то странный призрачный отряд, но цель этого похода все время ускользала.

Некоторым признакам разума пришлось вернуться, когда показалась развилка тоннеля. Я уже порядком устала, поэтому села возле толстеного сталагмита так, чтобы было видно оба черных провала, и увеличила мощность луча фонарика. Да, стоило напрячься и подумать, какую дорогу выбрать, потому что туннели отличались друг от друга как сталактит и сталагмит. Левый был точным продолжением моего нынешнего пути, разве что прямо на границе света-тени я заметила небольшой подъем, значит, он уходит немного наверх, правый же был совершенно гладким, да еще стены имели странные выемки, как будто очень давно они подверглись обработке. И еще в нем чувствовалось какое-то движение воздуха. Но это открытие уже не заставило меня вскакивать и нестись вперед. Я была совсем без сил, меня мучил страшный голод и жажда, про холод я вообще молчу. Удивительно, что я еще не заоченела насмерть. Судя по ощущениям, температура моего тела сейчас была такой же, как у камней вокруг. Тьма потерлась о мою щеку, успокаивая. С негодованием я отмахнулась от нее и шумно выдохнула.

Непонятно как в моей руке оказался карандаш, а на коленях блокнот из рюкзака. В каком-то туманном сумасшествии, зажав плечом фонарь, я начала рисовать.

Ну что же мог изобразить мой воспаленный мозг посредством непослушной руки? Ожидая сюрреалистический эскиз в духе Дали, я зажмурилась. А когда пелена несколько спала с глаз, я с легким изумлением увидела добротный кусок хлеба, изображенный скорее с голландской скрупулезностью, и глиняный кувшин с водой. Откуда взялись силы на такую проработку деталей, я не знаю, но, чем больше я смотрела на странный натюрморт на белом листе, тем легче мне становилось. Жажда как будто отступила, голод же вообще пропал. Устало прикрывая глаза, я думала о великой силе искусства... рисунка, а точнее самовнушения.

Впервые я проснулась почти отдохнувшей, без дикой жажды и голода, раздражающего мои внутренности. Удивляться я решила попозже, сейчас же нужно было выбрать путь. С одной стороны, тоннель со сталактитами стал мне в чем-то привычен, опять же была осточертевшая, но поддерживающая во мне силы, да и жизнь, если честно, слизь. С другой стороны, второй тоннель имел на себе следы деятельности человека, да и движение воздуха давало надежду на то, что где-то там может быть выход на поверхность. Размышляла я недолго. Перевесил фокус с рисунком, если он удастся еще раз, а лучше не один, я почти спасена, в любом случае, смогу вернуться назад и выбрать левый проем.

Своды действительно были странными, как будто огромная змея оставила отпечаток своей чешуи. Относительно гладкие, они ребрились вмятинами, похожими на застывшие волны. День продвижения этой дорогой — и сознание знакомо заволочлось облаком полубезумия. С рисунком ничего не выходило. Я доставала его несколько раз и пристально пялилась в изображение, думая о еде, сытости в желудке и ключевой водичке. Ничего не выходило. Утопистка! Это ж надо было пойти у себя на поводу.

Но я упорно не поворачивала назад. Так прошел

еще один день. Я устроилась на ночлег и снова достала блокнот. Провела карандашом по кувшину с водой, добавила стекающую с керамического горлышка холодную прозрачную каплю, а в хлебе свежих ноздрей, от которых исходил приятный запах свежесдобитого теста. Грифель скользил по бумаге все медленнее, а перед глазами все расплывалось, сон сморил меня.

Я рывком села. Вот он, звук, который разбудил меня, — впереди плеск и шлепки. Вода! Я вскочила, резко натягивая рюкзак и этюдник, стерший мне кожу на плече почти до мяса. Не задумываясь о том, что пить мне особенно и не хочется, да и есть, кстати, тоже, я побежала за лучом фонаря.

Вилять пришлось на удивление долго. Несколько раз я переходила на шаг, чтобы отдышаться, но плеск и не думал пропадать, наоборот, он усиливался с каждым поворотом.

Казалось, что бег продолжается уже несколько часов, когда, вывернув из-за очередного выступа, я выскочила в потрясающий своими размерами зал. Пол моего тоннеля переходил в крутую тропинку и терялся в долине внизу, сама я стояла на небольшом уступе намного выше уровня пещеры. Челюсть медленно поползла вниз, а рука машинально выключила фонарь. Тусклый голубой свет, источаемый круглыми пупырчатыми камнями по всей горизонтальной поверхности, позволял разглядеть размеры этой потрясающей залы, которая, судя по обработке стен, имела явно не совсем природное происхождение. По дну через всю долину неслась бурная подземная река, с грохотом огибая сдерживающие ее берега валуны.

Захлопнув открывшийся от удивления рот, я запрыгала вниз по уклону, как молодая серна. От радости не удержалась и погрузилась по самую макушку в ближайший бурун. Какое наслаждение разлилось по высохшим внутренностям холодной сладкой струей!

И только через какое-то время я поняла, что звук, привлекавший мое внимание так далеко от этого места, не являлся одним только плеском бегущей воды. И сейчас он прекратился.

Я медленно поднялась с мокрых камней и повернулась. «Эх, есть здесь все-таки радиация! Камни эти светящиеся, теперь вот это!!!» — успело мелькнуть в голове, до момента, когда ветвистые челюсти жука-переростка размером с хорошего племенного быка щелкнули у меня перед носом, и я, взмахнув руками, повалилась в пенный поток, утаскивая за собой гроыхающий на камнях этюдник. Мечта энтомолога огорченно пощелкал и побежал за мной по берегу.

Мне было уже совсем не до него, я старалась остаться на плаву и действительно не стать утописткой! Я отбросила ляжку деревянного ящичка, он только мешал, а вот рюкзак оказался настоящим спасением, пару раз на поворотах буруны крепко приложили меня спиной о камни. Зацепиться ни за что не удавалось, ногти были сломаны под корень, а пальцы начали коченеть в ледяном потоке. Избитых ног я совсем не чувствовала — целы, нет...

Почти оглохнув от грохота волн и попавшей в уши воды, я все же различила изменение в шуме порогов, извернувшись, попыталась рассмотреть, что же ждет меня впереди, и яростно заметалась в потоке. Пронеся мое бедное тело за считанные минуты через всю долину, бешеная река увлекала меня куда-то вниз под стену пещеры. Я только успела глубоко вздохнуть, и ледяная чернота сомкнулась над головой. Все закружилось в гремящем водовороте.